

особенностях технологического состояния цивилизации. Иными словами, рационально организованное общество способно осуществить принцип коэволюции человека и Природы.

Употребление термина «рациональное общество» предполагает целенаправленное стремление к формированию режима коэволюции человека и природы, способного согласовывать процессы их развития. Такая организация становится жизненно необходимой, поскольку только в этом случае общество сможет избежать деградации и сохранить перспективы своего развития.

Процесс перехода к новому типу общества предполагает следующие требования. **Во-первых**, необходимо обеспечить раскрытие потенциала отдельной личности, ее таланта, интеллектуальных возможностей, воли. Человечеству в ближайшие десятилетия предстоит пройти через множество испытаний, и они будут тем успешнее, чем большее количество личностей сможет проявить себя в поисках коэволюции.

Во-вторых, необходимы создание новых технологий и выработка новых взаимоотношений с Природой, новой социальной организации. Чтобы достигнуть успеха, обществу необходимо предельно раскрепостить свою интеллектуальную деятельность, отказываясь от многих догм и стереотипов восприятия, открываясь новым идеям.

Главная компонента изменений должна быть связана с действиями. И чем могущественней будет цивилизация, тем осторожней должен поступать человек, методы научного анализа должны идти в ногу с развитием производительных сил общества. Именно в таком обществе должна возникнуть рациональность, разумное сочетание динамизма обществ европейского типа и мудрости обществ традиционных, обществ Дальнего Востока.

Литература

1. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. – М., 2001.

Страхов А.М.
(БелГУ, Белгород)

Рациональное и утопическое у Н.Ф. Федорова

Пожалуй, мало кто из русских философов отличался такой оригинальностью и противоречивостью, как Н.Ф. Федоров. Мы видим в его философском наследии ориентацию на естествознание и религиозную терминологию в духе обновленного православия, критику социализма и неприятие демократии, призывы к единению рас и народов и прямо-таки славянофильские амбиции, враждебное отношение к институтам власти и требование обязательного для всех членов будущего совершенного общества участия в общем де-

ле, видим здравницу жизни и пренебрежение к естественному воспроизводству этой жизни посредством половой любви.

Можно не без основания отметить, что каждый внимательный читатель отыщет на страницах федоровских произведений созвучные своему собственному мировоззрению идеи, но вряд ли кто способен принять философию Федорова в целом. Последнее констатировал сам мыслитель в одном из писем, ведя речь об «отчаянном положении отвергнутого всеми» [1, С.649]. И связано это обстоятельство отнюдь не только с тем, что философ во многом опередил свое время. Федоровский гимн величию всеильного человеческого разума позволяет говорить в широком смысле о его рационализме, хотя в гносеологии философ вовсе не умаляет значения эмпирических данных, выступая лишь против лабораторных опытов, относимых им к оторванной от практики кабинетной науке. «...Цель жизни состоит в обращении слепой силы природы в управляемую разумом всех воскресших поколений», – провозглашает он [1, С.66].

Федоровское упование на разум отлично от позиции французского материализма XVIII в., в котором культ разума сочетался с механистическим подходом к человеку. «Царство человека – не от мира животных» – убеждает русский мыслитель [1, С.514], видя в человеческом разуме орудие Бога, Отца Небесного («Человек является орудием божественного разума и сам становится разумом вселенной»)[1, С.473]). Федоров постоянно апеллирует к религиозным православным ценностям, но при этом религию понимает как «религиознизацию» – превращение в религию вопроса о всеобщем воскрешении. «И живое христианство не может не считать сынов умерших отцов орудиями Бога отцов, орудиями в деле возвращения им, отцам, жизни; это и есть религия, какою она должна быть», – пишет он [1, С.480]. Религия, не требующая дела воскрешения («общего дела»), превращается в призрак. Нет других религий, кроме культа предков, и только христианство в его православном варианте способно истинной религией стать, ибо «воскресение Христово, неотделимое от всеобщего воскрешения, есть полное выражение культа предков» [1, С.100].

Философ сокрушается, что нынешний разум, или наука, находится под половым влиянием. Ограниченное по численности сословие ученых служит прогрессу, пагубным следствием которого является развитие городов и мануфактурного производства, ублажающего в первую очередь женщин в их стремлении быть как можно привлекательнее для мужчин. А долг воскрешения требует прогресса в целомудрии. «В нынешнем же обществе, следующем природе, т.е. избравшем себе за образец животное, – пишет он, – все направлено к развитию половых инстинктов. Вся промышленность, прямо или косвенно, возникает из полового подбора. Красивое оперение, устройство гнезда (т.е. моды, будуары, мягкая мебель) – все это возникает и служит половым инстинктам» [1, С.399]. В связи с этим Федоров призывает к исчезновению различий между учеными и неучеными: «общее дело дает участие всем в религии, науке, искусстве, предмет которых, в их совокупности, есть восстановление и полное обеспечение существования всех» [1, С.282].

Надеждой века философ считает музей «всенаучный», который не

только и не столько собиратель материалов прошлого, а являлся бы центром изучения вселенной и человека с целью внесения разума в слепую природу и воскрешения предков. По его мнению, обязательная принадлежность музея – обсерватория: «Но под обсерваторией мы разумеем орган науки не отвлеченной, а астрономии физической, химической науки обо всем веществе, органическом и неорганическом, растительном, животном и человеческом, так что человечество (которое только в совокупности составляет истинный музей) из обсерватории наблюдает всю вселенную с внешней стороны, а самого человека – со стороны антропологической» [1, С.581].

Наблюдение за природой и собой происходит и за пределами обсерватории, особенно на первых этапах общего дела. Священная обязанность каждого, убежден Федоров, вести психофизиологический дневник, для составления программы которого нужен международный союз психологов, физиологов и других ученых. Такие дневники – основа для «психократического» общества. Федорову присущ более чем широкий полет мысли, столь разительно отличающийся от его скромного образа жизни. Рациональное у него соседствует с фантастическим.

Фантастическое присуще и явно утопической картине будущего общества, каким его видит философ. Федоровское видение будущего России и мира обнаруживает все признаки утопического: социальность, критичность, идеальность, неосуществимость, а также порой мелочное описание подробностей, так характерное для классических утопических учений. Будущее по Федорову содержит в себе прошлое, это касается религии (культ предков), экономики (земледелие, сочетаемое с кустарным промыслом), культуры (собрание всех материалов прошлого), общественного строя (всемирная монархия во главе с Императором).

Русский мыслитель крайне критично относится к современной ему действительности, особенно западной, поскольку считает, что прогресс ведет к разобщению и вражде, к преступности и войнам: «История как факт есть разорение природы и истребление друг друга, т.е. то, чего не должно быть...» [1, С.203-204]. Как и любой утопист, Федоров постоянно ведет речь о том, что должно быть, не менее часто он пишет о совершенстве. В федоровском обществе сохраняемая поначалу армия станет заниматься мирным делом регуляции природы, браки начнут заключаться не по влечению и не для рождения детей, а для совместных усилий супругов в общем деле воскрешения. Отпадет необходимость в органах юстиции, исчезнут сословия и т.д., словом, наступит рай на земле и даже за ее пределами по мере освоения воскресшими поколениями всей вселенной. Рай на земле есть произведение всех сил всех способностей всех людей, произведение полноты знания, глубины чувства, могущества воли (совершенство – в деятельности). «Рая для несовершенных, или несовершеннолетних, – писал он, – и быть не может... Совершенство, совершеннолетие и есть рай, точно так же как вышеописанное состояние несовершеннолетия, выражающееся в скотских оргиях, в зверском истреблении друг друга, в безграничном и ненасытном сладострастии, есть истинный ад» [1, С.500].

Современники отвергли учение Федорова, хотя личность его вызывала у ряда известных мыслителей искреннее уважение. Сегодня некоторые его идеи уже не кажутся столь фантастическими, но утопическую социальную его доктрину вряд ли когда придется признать истинной.

Литература

1. Федоров Н.Ф. Сочинения. – М., 1982.

Князев В.В.
(БелЮИ, Белгород)

Проблема духовного поиска в социальной философии П. И. Новгородцева

Обращение к религиозной тематике известного русского философа права П.И. Новгородцева в послеоктябрьский период его жизни явилось результатом внутренней духовной драмы мыслителя. Именно в этот период философа волнуют проблемы религии, русской православной веры, православного сознания. Откровенностью, духовной потребностью понять таинство Православия звучат его слова: «Будучи только сыном православной церкви, я хочу лишь уяснить и понять, в чем существо той веры, которую я исповедую» [1, С.407].

Новгородцев глубоко и проникновенно выразил свое понимание сущности русской православной веры, соотношения православия с католицизмом и протестантизмом. Рассматривая религиозное вероисповедание как определенную систему догматов и положений, философ обращал внимание на влияние культурно-исторических традиций народа на восприятие им религиозного учения. «Очевидно, – писал Новгородцев, – при единстве догматов может быть различное усвоение их в соответствии с различием национальных характеров и культурных типов. Подобно каждому другому народу и мы, русские, вносим в понимание нашей веры особые национальные черты» [1, С.408].

Главную национальную особенность русского православия Новгородцев видит в том, что оно верно Божественной своей первооснове и первоначальным апостольским и святоотеческим учениям. Самая великая ценность русского религиозного сознания, считал мыслитель, «заключается именно в том, что ему суждено было всего чище сохранить дух Христова учения». Именно поэтому русское православное сознание находится в наибольшем согласии с духом первоначального христианства.

Новгородцев выявляет различие принципов проявления и утверждения в жизни людей трех направлений христианства: католицизма, протестантизма, православия. Для католицизма основным жизнеобеспечивающим принципом является постоянное утверждение непоколебимого авторитета церкви как учреждения. Поскольку на первый план выносятся дисциплина,